
ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ГЛОБАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ

Кочетков В. В.*

Пандемия COVID-19 подчеркнула взаимосвязанность мира и в кратчайшие сроки стала глобальной проблемой для всего человечества. Однако она привела не к сотрудничеству, как можно было ожидать, а к противостоянию. Международные акторы использовали пандемию в целях, далеких от всеобщего благополучия. Пандемия способствовала росту международной напряженности и ослабила сотрудничество между государствами. США самоустранились от роли мирового лидера и сконцентрировались на собственных интересах. Китай трактует свои успехи в борьбе с пандемией как указание на глобальное превосходство собственной модели развития. Остальному миру предлагается копировать не только мероприятия по борьбе с COVID-19, но и принципы, на которых базируется политическая система Китая.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, глобальный контроль, преимущества политических систем, идеологизация пандемии, национальный эгоизм, биологическая война.

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON GLOBAL POLICY

The COVID-19 pandemic has highlighted the interconnectedness of the world and in no time has become a global challenge for all of humanity. However, it led not to cooperation, as one might expect, but to confrontation. International actors have used the pandemic for purposes that are far from the general well-being. The pandemic contributed to the growth of international tension and weakened cooperation between states. The United States has withdrawn from the role of world leader and concentrated on its own interests. China interprets its success in the fight against the pandemic as an indication of the global superiority of its own development model. The rest of the world is invited to copy not only the measures to combat COVID-19, but the principles on which the Chinese political system is based.

Keywords: COVID-19 pandemic, global control, advantages of political systems, pandemic ideologization, national selfishness, biological warfare.

Введение

Эпидемии уже на самом раннем этапе человеческой истории были важным фактором мировой политики. Во многом именно особенности эпидемиологической истории предопределили успехи европейской цивилизации. Внутри Европы борьба за гегемонию также во многом была связана с возможностью минимизировать последствия эпидемий. Если на протяжении большей части истории эпидемии выступали как фактор, который действовал сам по себе, и наибольшее значе-

* Кочетков Владимир Викторович – д. с. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: vkochetkov58@mail.ru.

Vladimir V. Kochetkov – Dr. Sociol., Professor at Faculty of Global Studies at Lomonosov Moscow State University. E-mail: vkochetkov58@mail.ru.

ние имели объективные последствия пандемий, возможность цивилизаций и стран адаптироваться к ним, то в современном мире все большее значение имеет возможность государства бороться с распространением эпидемий.

Научно-технический прогресс, появление новых совершенных средств передвижения позволили посредством развития мировой торговли сделать мир единым. Однако возможность передвижения на значительные расстояния больших масс людей создало предпосылки для быстрого распространения инфекций.

Борьба с эпидемиями стала проблемой, которая требовала консолидации усилий всех стран. Невозможно в современных условиях остановить распространение глобальных эпидемий сугубо медицинскими мерами. Соответственно, возникла необходимость международного политического сотрудничества в борьбе с ними [Горлинский 2008].

Многополярность существует и в борьбе с эпидемиями. В качестве таких полюсов можно выделить США, ЕС, Китай и Россию. США продолжают выступать в качестве одного из ведущих финансовых доноров в области программ, направленных на борьбу с эпидемическими заболеваниями. Они наиболее заинтересованы в поддержании нормальной эпидемиологической обстановки в тех странах, откуда прибывают в Соединенные Штаты легальные и нелегальные мигранты.

ЕС ведет схожую политику, то есть основные усилия направляет на предотвращение эпидемий не только на собственной территории, но и в тех европейских и азиатских государствах, откуда направляются миграционные потоки.

КНР удалось не только улучшить свой имидж благодаря успехам в борьбе с распространением заболевания, но и избежать возможного давления со стороны США.

Россия не стремилась идеологизировать борьбу с COVID-19. Вместе с тем можно указать на стремление нашей страны обеспечить вакцинацию своих граждан с помощью отечественных разработок. В этом прослеживается политический аспект, в частности стремление лидировать на рынке производства вакцин и обеспечить собственный технологический суверенитет. Экономический и военный потенциал России достаточен, чтобы проводить суверенную политику.

Международное сотрудничество vs соперничество в борьбе с пандемией

На фоне пандемии нарастает противостояние и соперничество между различными центрами силы в мировой политике. Вновь стали популярны протекционистские настроения. Эти тенденции сделали еще более явным резкий разрыв между наиболее благополучными и бедными странами и регионами.

Начало пандемии COVID-19 «усилило геополитическую напряженность, особенно между США и Китаем» [EU... 2020]. Однако и отношения между союзниками, то есть между ЕС и США, в условиях пандемии во многих аспектах стали более напряженными. Евросоюз весьма болезненно воспринял тот факт, что в марте 2020 г. США самостоятельно приняли решение о закрытии границ без консультаций с Брюсселем. Соединенные Штаты фактически перехватывали поставки медицинских масок и прочих товаров, предназначенных для ЕС. Так были созданы предпосылки для большего сближения европейских стран, причем не только в экономической, но и в военной сфере. Франция и Германия приступили к выработке стратегии оборонного сотрудничества.

Необходимость выработки скоординированного ответа на опасность эпидемии в Евросоюзе объяснялась в том числе опасением, что любая неудача в данном вопросе сможет не только сыграть на руку евроскептикам, но и «привести

к ослаблению или даже крушению ЕС» [Шумилин 2020: 94]. Брюсселю в начале пандемии не удалось своевременно отреагировать на угрозу и вовремя оказать помощь тем странам, которые столкнулись с наибольшими трудностями, в частности Италии. Большое значение приобрела помощь, полученная от Китая и России, то есть от тех стран, которые ЕС традиционно воспринимал как минимум не очень доброжелательно.

Вопросы, непосредственно связанные с коронавирусом, стали активно использоваться в пропаганде. Изначально вопрос о создании вакцин стал основанием для развития шпиономании, обвинений в том, что другие страны пытаются заимствовать чужие разработки. В июле 2020 г. подобные обвинения были предъявлены России со стороны США, Канады и Великобритании. Систематически обвинения выдвигались и в адрес Китая. При этом ему могли ставить в вину распространение коронавируса в мире либо целенаправленно, либо в результате нарушения правил безопасности в биологических лабораториях. Такого рода претензии не могут не вызывать опасений за международную безопасность, ведь они предъявляются державе, обладающей ядерным оружием и не собирающейся сокращать свой арсенал [Арбатов 2020].

В обществах западных стран начали усиливаться ксенофобские настроения. Наиболее распространенными проявлениями этой тенденции стала синофобия. Многие китайские рестораны в Великобритании столкнулись с падением прибыли еще до введения коронавирусных ограничений в связи с распространением слухов о возможности заразиться через еду. Высказывания дискриминационного характера в отношении детей китайского происхождения фиксировались в Канаде и США. Нередко с ксенофобией сталкивались люди азиатского происхождения, но не китайцы [Такенов 2020]. Пандемия показала, что активно декларируемые ценности равенства и толерантности могут оказаться не столь устойчивыми перед лицом угрозы здоровью и жизни. После того как стало очевидным, что в плане уровня смертности COVID-19 все же не идет в сравнение с эпидемиями чумы и холеры в прошлом, подобного рода настроения стали уделом маргиналов.

После того как центр эпидемии переместился из Китая на Запад, уже в КНР иностранные граждане столкнулись с ограничениями, которые вполне можно было рассматривать как дискриминационные.

После того как вакцины были разработаны, более актуальными стали рассуждения об их эффективности. Причем признание возможным использование вакцин других стран явно не сводится к сугубо медицинским и научным аспектам этого решения, а имеет ярко выраженный политический характер. Вопрос о производстве вакцин рассматривался не только как возможность найти решение проблемы для всего человечества, но и показать превосходство собственной страны над всеми остальными. Весьма важным в этом случае оказывался вопрос приоритета в разработке вакцин, даже если речь шла буквально о разнице в несколько дней. Д. Трамп говорил, что вакцина от COVID-19 должна быть разработана впервые именно в Америке. Для этого США пытались купить крупнейшую фармацевтическую компанию ЕС. Другие фирмы получали предложения со стороны Китая. ЕС в данном случае предоставил европейским фирмам субсидии, которые должны были удерживать их от стремления сотрудничать с иностранцами [Такенов 2020].

Идеологическим основанием такой политики стали соображения национальной безопасности. В случае если производство вакцины оказалось бы монополизировано одной страной, то это могло бы использоваться для оказания политиче-

ского давления на другие государства. Это показывает, что важнейшие участники мировой политической системы далеки от доверия друг другу.

Устойчивость международной системы во главе с США была поставлена под сомнение именно в свете пандемии COVID-19. Лидерство в международных отношениях традиционно проявляется в способности государства-гегемона выдвигать общие цели и координировать действия международного сообщества. Однако характерной чертой политики США в период пандемии стала сосредоточенность на собственных проблемах, фактический отказ от лидерской роли в борьбе с распространением эпидемии и ее последствиями. Во многом подобная позиция США в 2020 г. объяснялась особенностями политического курса Д. Трампа, который был выстроен на основании антиглобалистской риторики, что предусматривало определенную степень изоляционизма.

Для Д. Трампа было характерно преуменьшение опасности COVID-19, что вызвало скорее отрицательную реакцию в других странах и неблагоприятно сказалось на имидже США. При Трампе также было принято решение о выходе США из ВОЗ. Поводом стало обвинение в адрес организации, что та недопустимо мягко ведет себя в отношении Китая, откуда началось распространение вируса [Садыков 2021]. Однако в данном случае такое решение Трампа могло рассматриваться именно как отказ от необходимости возглавить борьбу с коронавирусом в масштабах всей планеты. Вполне естественно, что это ставило под вопрос возможность играть роль мирового гегемона в целом.

Данный вопрос тесно переплетался в США с внутривнутриполитической борьбой. Пандемия COVID-19 и ее последствия стали в этой борьбе весьма важным фактором. Для антирамповской коалиции было характерно стремление преувеличить реальную опасность эпидемии и обвинить действующего президента в том, что тот не сумел правильно оценить степень угрозы и адекватно отреагировать на нее [Гринин 2020а; 2020б]. Трамп традиционно делал ставку на успехи американской экономики, но в условиях введения ограничительных карантинных мер ему не удалось избежать роста безработицы и сокращения доходов, что негативно сказалось на его перспективах переизбрания на следующий президентский срок.

Победа на президентских выборах Дж. Байдена в конце 2020 г. привела к значительным переменам в сфере борьбы с эпидемией. Необходимость проведения вакцинации и борьба с последствиями пандемии стали одной из приоритетных задач США. Однако вряд ли в сложившейся ситуации они могут рассчитывать на лидерство в международном противодействии COVID-19. Большинство стран уже успели выработать собственную стратегию этой борьбы.

В условиях пандемии можно говорить о начале новой волны идеологизации международных отношений, которые со времен конца холодной войны преимущественно выстраивались на основании прагматических принципов и интересов. США стремятся свою политику в области борьбы с COVID-19 рассматривать как часть противостояния с Китаем и отчасти с Россией. При этом само противостояние осмысливается как более глобальное противоречие между демократией и тоталитаризмом, свободой и несвободой.

Однако и Китай постепенно все в большей степени начинает трактовать свои успехи в борьбе с пандемией не как частное преимущество в сфере медицины, а как указание на глобальное превосходство собственной социально-экономической и политической модели. Фактически речь идет о необходимости заимствования другими странами не только конкретных мероприятий по борьбе с COVID-19, но и тех принципов, на которых базируется политическая система Китая [Суслов 2020].

В самом Китае начало эпидемии привело к обострению имеющихся политических проблем, в том числе в отношениях с Гонконгом. Хотя уличная активность во время эпидемии снизилась, однако протестующие еще в большей степени начали обвинять местные власти и центральное правительство в неэффективности их работы. Причиной стало то, что ограничительные меры в Гонконге были введены сравнительно поздно и под давлением оппозиции. Такая резкая реакция во многом может объясняться тем, что у жителей Гонконга есть печальный опыт эпидемии атипичной пневмонии в 2003 г., когда погибли несколько сотен человек [Беляев 2020].

Влияние пандемии стало определяющим фактором в развитии экономического кризиса. В обозримом историческом прошлом эпидемические заболевания не оказывали такого непосредственного влияния на экономические циклы [Гринин 2020а; 2020б]. Вполне естественно, что вызванные пандемией экономические последствия привели к изменениям и в политической сфере. В условиях пандемии COVID-19 антиглобалистские тенденции получили развитие уже в государственной политике. Эпидемия стала предлогом для того, чтобы объяснить защиту своих рынков соображениями эпидемиологической безопасности. Протекционистскую политику можно увидеть в действиях США, связанных с заключением нового соглашения НАФТА или торгового договора с Китаем. Политика импортозамещения начала выстраиваться и в ЕС, что сопровождалась новым витком антикитайской пропаганды. Великобритания придерживается во многом аналогичного курса, затрудняя возможность слияния национальных компаний с иностранным бизнесом.

Пандемия коронавируса подчеркнула тот факт, что современный мир является глобальным во всех смыслах. Именно в силу этого пандемия смогла в кратчайшие сроки стать глобальной проблемой для всего человечества. По сравнению с предыдущей пандемией подобного масштаба, «испанкой», численность населения возросла более чем в 3 раза, существенно ускорились темпы перемещения грузов и людей. То, что закрытие национальных границ было воспринято столь болезненно и привело к множеству негативных последствий, свидетельствует о неизбежности глобализации.

Пандемия COVID-19 показала, что даже те государства, которые могут быть названы мировыми лидерами, не всегда способны полностью обеспечить себя всем необходимым. Причем речь может идти о поставках жизненно важных товаров. Так, США после начала пандемии столкнулись с риском дефицита ряда лекарств, так как они производились в Китае [Лебедева 2020]. Однако и Китай, в свою очередь, не смог удовлетворить свои потребности за счет только внутреннего производства, даже в плане изготовления таких необходимых в условиях пандемии товаров, как защитные маски.

США и многие другие страны взяли курс на обеспечение самодостаточности экономики в ключевых областях производства. Нельзя исключать варианта, при котором глобализация продолжится, но в гораздо большей степени будет ориентирована на Китай, а не США.

Именно пандемия заставила большинство людей осознать, насколько тесно взаимосвязаны все современные экономические и социальные процессы на планете. Люди непосредственно столкнулись с последствиями разрыва транспортных цепочек, невозможности получения необходимых и ставших привычными товаров. Именно пандемия COVID-19 показала не только эффективность глобализационной системы, но и ее уязвимость в период кризисов [Чумаков, Юрченко

2020]. Система мирового разделения труда имеет множество плюсов, но создает риск того, что изолированность отдельного региона или страны в результате пандемии может создать угрозу для экономики в масштабах всего мира.

Так как пандемия во многом способствовала росту международной напряженности и ослабила сотрудничество между государствами, в том числе и по вопросам международной безопасности, то угроза со стороны международного терроризма стала гораздо более реальной. Оптимистические прогнозы предполагали, что в условиях пандемии непосредственная активность террористов-боевиков снизится, так как, опасаясь заражений, они будут сосредоточены на отдаленных друг от друга базах и лагерях. Но уже весной 2020 г. отряды ИГИЛ совершили несколько нападений в Ираке. Их успеху во многом способствовало то, что иракские войска сократили участие в антитеррористических операциях и сосредоточились на обеспечении карантинных мер и комендантского часа. Аналогичные события наблюдались и в Сирии [Выстороп 2021]. Эпидемия в террористической идеологии получала соответствующее объяснение, рассматривалась как кара для безбожного Запада. Соответственно, в условиях роста заболеваемости вооруженная борьба должна была стать более интенсивной.

В условиях экономического спада, который сопровождался долговременной изоляцией, потерей возможности вести привычный образ жизни возникли предпосылки для популярности радикальных идей.

Необходимость введения разного рода ограничительных мер неизбежно привела к вопросу о том, что можно в рамках современной политической системы считать наиболее важными ценностями. Насколько ограничения, связанные с пандемией, могут сочетаться с демократическим характером современных государств?

Степень строгости вводимых мер во многом была обусловлена общими особенностями политических режимов в отдельных странах. В наибольшей степени жесткая модель была продемонстрирована в Китае, где власти не остановились перед фактически полной изоляцией целой провинции с многомиллионным населением, организацией слежки с использованием современных информационных технологий, которая должна была помочь пресекать нарушение карантинных мер.

Нельзя сказать, что она стала безальтернативной для всего мирового сообщества. Необходимость выработки иной модели базировалась на идеологических основаниях, необходимости учитывать соблюдение либерально-демократических ценностей [Каган 2021]. Наиболее характерным примером подобной политики может быть назван шведский вариант, в котором все мероприятия, направленные на сокращение контактов, и карантинные меры носили рекомендательный характер.

Д. Айкенберри указывал, что отказ от курса на необходимость международных механизмов мировой политики будет временным. В современных условиях США тем более не смогут позволить себе замкнуться в собственных границах и пытаться таким образом решить все свои проблемы. После первой защитной реакции на угрозы, вызванные пандемией, которая имела ярко выраженный националистический характер, мир неизбежно вновь вернется к необходимости совместного решения глобальных проблем [Ikenberry 2020].

Дж. Най, основатель школы неолиберализма в теории международных отношений, критически оценивал политику Д. Трампа, направленную на развитие конкуренции между мировыми державами. Угроза безопасности может исходить не только от того, что другие государства достаточно сильны, но и от их слабости, которая приводит к невозможности справиться с распространением заболеваний [Nye 2020].

Именно государства во время пандемии стали восприниматься населением как те субъекты, которые несут ответственность за их благополучие. Можно говорить о росте в условиях пандемии патриотических и националистических настроений. Скорее всего, эти тенденции сохранятся и в условиях преодоления последствий пандемии COVID-19, но сохранении угрозы иных вирусных заболеваний. Национальное государство представляется тем актором, который может и должен решать проблемы, связанные не только с борьбой с эпидемиями, но и с их последствиями, которые проявляются в области международных отношений [Громыко 2020].

Последствия пандемии для глобальной политики

Пандемия коронавируса поставила вопрос о том, насколько современный западный мир может рассматриваться не только как центр силы, но и как образец в более глобальном смысле этого слова. Пример Китая и его борьбы с эпидемией вызвал опасения, что китайская система управления может быть более эффективной, чем классическая либеральная демократия, причем не только в области борьбы с эпидемиями [Ларин 2021].

Пандемия в значительной степени ослабила наиболее влиятельные центры силы, что дало шанс усилить свои позиции ряду развивающихся стран с растущей экономикой и достаточно высокой численностью населения [Гринин 2020a]. В условиях возможной утраты США возможности поддерживать свою гегемонию вполне вероятно, что будет сделана ставка на ослабление возможных соперников. При этом ориентирование на силовые методы решения проблем может привести к дальнейшему росту международной напряженности.

Пандемия обострила опасения, которые касаются возможности усиления электронного контроля за людьми и их поведением. Были отработаны технологии, позволяющие отслеживать перемещение людей, возможности ограничения их свободы передвижения в связи с заболеванием или просто контактов с вирусоносителями. Оправданность подобных мер непосредственно во время эпидемии стала предметом отдельной дискуссии, которая в настоящее время уже утратила былую актуальность. Однако остается открытым вопрос о том, не будет ли приобретенный опыт использоваться в дальнейшем уже без привязки к необходимости борьбы с эпидемиями.

Фактически человечество столкнулось с возможностью установления глобального контроля, основанного на системе наказаний и поощрений. В перспективе это может привести к выстраиванию общества, в котором значимую роль будет играть социальный рейтинг, позволяющий получить доступ к определенным благам и возможностям либо ограничивающий их достижение. Определенный опыт выстраивания подобной системы отработан в современном Китае. Естественно, что возникает вопрос о том, как подобная практика может сочетаться с декларируемой приверженностью ценностям демократии и прав человека. При этом можно говорить о более выгодной позиции тех стран, которые изначально выражали скептицизм в отношении либеральных ценностей. Хотя многие методы цифрового контроля могут активно внедряться и во вполне демократических странах, те вынуждены тратить дополнительные усилия, чтобы соотносить необходимость этих мер с традиционным дискурсом приверженности либерализму и демократии.

Еще одним важным моментом в числе последствий пандемии COVID-19 можно считать важность получения достоверной информации. Столкновение с многочисленными паническими сообщениями, фейками привело к стремлению государств так или иначе фильтровать и ограничивать информацию, которая относи-

лась к теме эпидемии. При этом неизбежно возникала другая проблема – необходимость сохранения свободы слова. Вероятно, что и в дальнейшем при возникновении кризисных ситуаций, особенно связанных с пандемиями, государство будет пытаться все в большей степени контролировать информационный поток, причем это коснется не только традиционных СМИ, но также социальных сетей и блогеров [Явлинский 2020].

Пандемия COVID-19 сделала актуальным вопрос о преимуществах и недостатках тех или иных политических режимов и форм правления. Фактически встал вопрос о том, возможно ли обеспечить безопасность граждан и стабильность государства в условиях пандемии, используя только демократические механизмы, или неизбежным будет обращение к опыту Китая, который традиционно упрекают в пренебрежении правами человека.

Эпидемия COVID-19 показывает, что историю всегда пишут победители. В преодолении коронакризиса можно увидеть как триумф демократии, так и преимущества авторитаризма. Возможность новых эпидемий сравнимого масштаба нельзя отрицать. Вряд ли можно отрицать вообще проведение исследований по изучению вирусов и потенциальной возможности их использования в условиях глобальных конфликтов. Нельзя исключать и вероятность выхода бактериологического оружия из-под контроля в результате целенаправленных действий или случайности. Можно вспомнить мнение Л. Рошаля, который заявил, что анализ ситуации показывает: мы видим «репетицию биологической войны» [Рошаль... 2020].

Актуальным является вопрос о том, насколько можно возложить ответственность на участников международных отношений, что проявляется, в частности, в стремлении США обвинить в распространении пандемии Китай. Возникла проблема с возможностью подвергать тем или иным санкциям государства, признанные виновными в распространении эпидемических заболеваний.

Более конкретные обязательства государств относительно действий в ситуации распространения эпидемических заболеваний прописаны в Международных медико-санитарных правилах от 2005 г. [Международные... 2005]. В этих правилах говорится об обязанности государства предупреждать остальные страны и ВОЗ о проблемах в области здравоохранения. Срок для данного оповещения установлен в 24 часа. Китаю пытались вменить в вину то, что он не оповестил об опасности в установленные сроки. Предъявлялись и более серьезные обвинения, содержащие указание на дезинформацию и уничтожение доказательств относительно начала эпидемии коронавируса.

В США подобные ограничения пытались обойти с помощью обращения к законодательным нормам, говорящим о необходимости борьбы с террористической деятельностью. Организация Freedom Watch пыталась доказать, что вирус COVID-19 имел не естественное происхождение, а стал результатом разработок китайских специалистов в военных лабораториях. Соответственно, Китай должен был быть наказан именно за злонамеренную деятельность, поставившую под угрозу население всего мира. Схожей позиции придерживался президент Д. Трамп, который говорил о необходимости выплаты со стороны КНР компенсации в сумме 10 трлн долларов. Упомянулось о возможности ареста китайских активов в случае отказа страны от выплат.

Китай не только не согласился с предъявленными обвинениями, но и попытался сам выступить с позиций обвиняющей стороны. Причем в роли главного виновника вполне ожидаемо оказались уже США. В МИД КНР высказали предположение, что вирус мог попасть в Китай после визита в провинцию Ухань американских военных в 2019 г. во время Всемирных военных игр. Если говорить

о позиции России, то она не предусматривала попыток обвинить какую-либо из стран в возникновении или распространении вируса. При этом действия США рассматривались как попытка ослабить своего экономического и политического конкурента, где эпидемия была лишь предлогом [Климов 2020].

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что опыт начала пандемии показал: для успешной борьбы необходимо начинать принимать меры уже в первые дни, при этом большое значение имеет скоординированность действий отдельных стран и международных организаций. Однако в масштабах всей планеты вряд ли можно ожидать столь высокой степени единства действий. Поэтому представляется адекватным предложение Еврокомиссии относительно необходимости создания отдельного от ВОЗ Европейского союза здравоохранения [Шумилин 2020]. Россия имеет возможность создания такой структуры на уровне Евразийского экономического союза.

Необходимо, основываясь на опыте, полученном во время пандемии COVID-19, заранее выработать список возможных ограничений прав и свобод, при этом они должны вводиться при четко оговоренных условиях. Нельзя допустить, чтобы ограничения вводились на основании не реальных, а лишь потенциально возможных угроз. Естественно, что выработка таких критериев потребует активного сотрудничества между государствами и международными организациями. Сведения о болезнях граждан, прохождении или непрохождении ими вакцинации, соблюдении или нарушении карантина не должны быть доступны кому-либо, кроме соответствующих органов государственной власти.

В обществе продолжают дискуссии о том, насколько реальная опасность COVID-19 соответствовала той волне паники, которая распространялась в первые месяцы эпидемии, и тем ограничительным мерам, которые были введены практически по всему миру. Даже если согласиться с точкой зрения, которая говорит о сравнительно невысокой опасности коронавируса по сравнению с обычными штаммами гриппа, то рационально рассматривать введенные мероприятия как своего рода тренировку. Начало пандемии не привело к консолидации мирового сообщества. Каждое из государств стремилось защитить исключительно свои интересы, воспользоваться слабостями других.

Литература

Арбатов А. Г. Китай и ограничение вооружений: не утопия, а возможность // Политические исследования. 2020. Т. 29. № 4. С. 36–54.

Беляев Д. Коронавирус влияет не только на экономику, но и на мировую политику [Электронный ресурс] : ТАСС. 2020. 16 марта. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-pauna-ranogama/7968279> (дата обращения: 01.04.2022).

Выстороп Р. С. Влияние пандемии COVID-19 на международный терроризм // Мир после пандемии COVID-19: политика, безопасность, экономика и культура – прогнозы будущего через призму настоящего: материалы XVI Международной научно-практической конференции межвузовского Научно-дискуссионного клуба «Эксперт» им. А. А. Самохина. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 73–77.

Горлинский А. И. Международное политическое сотрудничество в области борьбы с глобальными эпидемиями на современном этапе: дис. ... канд. полит. наук. СПб, 2008. 158 с.

Гринин Л. Е. Геополитика и мировая экономика в свете пандемии COVID-19 // Историческая психология и социология истории. 2020а. Т. 13. № 2. С. 5–24.

Гринин Л. Е. Пандемия, геополитика и рецессия // История и современность. 2020б. № 1(35). С. 3–22.

Громько А. А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 6–19.

Каган Е. М. Кризис демократии в эпоху пандемии COVID-19 // Мир после пандемии COVID-19: политика, безопасность, экономика и культура – прогнозы будущего через призму настоящего: материалы XVI Международной научно-практической конференции межвузовского Научно-дискуссионного клуба «Эксперт» им. А. А. Самохина. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 92–97.

Климов А. А. Американский след «китайского» вируса [Электронный ресурс] : Блоги сенаторов. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2020. 14 марта. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/114837/> (дата обращения: 30.03.2022).

Ларин В. Л. Какие уроки мир должен извлечь из пандемии // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2021. № 1. С. 147–148.

Лебедева Л. Ф. США: экономический аспект политики «национального эгоизма» в условиях пандемии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 145–157.

Международные медико-санитарные правила (2005 год) [Электронный ресурс] : Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901947562> (дата обращения: 30.03.2022).

Рошаль назвал пандемию коронавируса репетицией биологической войны [Электронный ресурс] : ТАСС. 2020. 3 августа. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9106435> (дата обращения: 24.03.2022).

Садыков Д. И. Проблема мирового лидерства США в период пандемии COVID-19 // Мир после пандемии COVID-19: политика, безопасность, экономика и культура – прогнозы будущего через призму настоящего: материалы XVI Международной научно-практической конференции межвузовского Научно-дискуссионного клуба «Эксперт» им. А. А. Самохина. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 141–148.

Сулов Д. В. Пандемия не смягчила конфронтацию, а стала одной из ее арен // Коммерсант. 2020. 7 апреля. С. 4.

Такенов Д. Коронавирус и политика: Как пандемия повлияет на международные отношения [Электронный ресурс] : Информационно-аналитический портал Steppe. 2020. URL: <https://the-steppe.com/gorod/koronavirus-i-politika-kak-pandemiya-povliyaet-na-mezhdunarodnye-otnosheniya/> (дата обращения: 1.04.2022).

Чумаков А. Н., Юрченко П. С. Коронавирус и глобализация: знание vs домыслы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3(33). С. 112–122.

Шумилин А. И. Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза // Научно-аналитический Вестник Ин-та Европы РАН. 2020. № 2. С. 90–102.

Явлинский Г. А. Пандемия и политика [Электронный ресурс] : Официальный сайт. 2020. 15 декабря. URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/pandemiya-i-politika/> (дата обращения: 24.03.2022).

EU Defence Washington Forum (2020) [Электронный ресурс]. 2020/ URL: <https://www.brookings.edu/events/webinar-eu-defense-washington-forum> (дата обращения: 23.03.2022).

Ikenberry G. J. Democracies Will Come out of Their Shell. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic [Электронный ресурс] : Foreign Policy. 2020. March 20.

URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 31.03.2022).

Nye J. S., Jr. American Power Will Need a New Strategy. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic [Электронный ресурс] : Foreign Policy. 2020. March 20. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (дата обращения: 31.03.2022).

References

Arbatov A. G. Kitay i ogranicheniye vooruzheniy: ne utopiya, a vozmozhnost [China and Arms Limitation: Not Utopia, but Possibility] // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2020. Vol. 29. No. 4. Pp. 36–54.

Belyayev D. Koronavirus vliyayet ne tol'ko na ekonomiku, no i na mirovuyu politiku [Coronavirus Affects Not Only Economy, but World Politics] // TASS. 2020. March 16. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7968279> (accessed: 01.04.2022).

Vystorop R. S. Vliyaniye pandemii COVID-19 na mezhdunarodnyy terrorizm [The Impact of the COVID-19 Pandemic on International Terrorism] // Mir posle pandemii COVID-19: politika, bezopasnost', ekonomika i kul'tura – prognozy budushchego cherez prizmu nastoyashchego: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii mezhvuzovskogo Nauchno-diskussionnogo kluba «Ekspert» im. A. A. Samokhina [The World after the COVID-19 Pandemic: Politics, Security, Economics and Culture – Forecasts of the Future through the Prism of the Present: Proceedings of the 16th International Scientific and Practical Conference of the A. A. Samokhin Interuniversity Scientific and Discussion Club “Expert”]. Krasnodar : KubSU, 2021. Pp. 73–77.

Gorlinskiy A. I. Mezhdunarodnoye politicheskoye sotrudnichestvo v oblasti bor'by s global'nymi epidemiyami na sovremennom etape [International Political Cooperation to Combat Global Epidemics at the Present Stage]: dissertation... Ph.D. in political science. St. Petersburg, 2008. 158 pp.

Grinin L. E. Geopolitika i mirovaya ekonomika v svete pandemii COVID-19 [Geopolitics and the Global Economy in the Light of the COVID-19 Pandemic] // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 5–24.

Grinin L. E. Pandemiya, geopolitika i retsessiya [Pandemic, Geopolitics and Recession] // Istoriya i sovremennost'. 2020. No. 1(35). Pp. 3–22.

Gromyko Al. A. Pandemiya i krizis sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [Pandemic and Crisis of International Relations System] // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 6–19.

Kagan E. M. Krizis demokratii v epokhu pandemii COVID-19 [Crisis of Democracy in the Era of COVID-19 Pandemic] // Mir posle pandemii COVID-19: politika, bezopasnost', ekonomika i kul'tura – prognozy budushchego cherez prizmu nastoyashchego: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii mezhvuzovskogo Nauchno-diskussionnogo kluba «Ekspert» im. A. A. Samokhina [The World after the COVID-19 Pandemic: Politics, Security, Economics and Culture – Forecasts of the Future through the Prism of the Present: Proceedings of the 16th International Scientific and Practical Conference of the A. A. Samokhin Interuniversity Scientific and Discussion Club “Expert”]. Krasnodar : KubSU, 2021. Pp. 92–97.

Klimov A. A. Amerikanskiy sled «kitayskogo» virusa [American Footprint on the “Chinese” Virus] // Blogi senatorov. Sovet Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii [Blogs of Senators. Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]. 2020. 14 March. URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/114837/> (accessed: 30.03.2022).

Larin V. L. Kakiye uroki mir dolzhen izvlech' iz pandemii [What Lessons the World Should Learn from the Pandemic] // Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. 2021. No. 1. Pp. 147–148.

Lebedeva L. F. SSHA: ekonomicheskiy aspekt politiki “natsional'nogo egoizma” v usloviyakh pandemii [USA: Economic Aspect of “National Egoism” Policy in Conditions of Pandemic] // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo. 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 145–157.

Mezhdunarodnyye mediko-sanitarnyye pravila (2005 god) [International Health Regulations (2005)] // Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov. Elektronnyy resurs. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901947562> (accessed: 30.03.2022).

Roshal' nazval pandemiyu koronavirusa repetitsiyey biologicheskoy voyny [Roshal Called Coronavirus Pandemic a Rehearsal of Biological War] // TASS. 2020. August 3. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9106435> (accessed: 24.03.2022).

Sadykov D. I. Problema mirovogo liderstva SSHA v period pandemii COVID-19 [Problem of World Leadership of the USA During the Pandemic COVID-19] // Mir posle pandemii COVID-19: politika, bezopasnost', ekonomika i kul'tura – prognozy budushchego cherez prizmu nastoyashchego: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii mezhvuzovskogo Nauchno-diskussionnogo kluba «Ekspert» im. A. A. Samokhina [The World after the COVID-19 Pandemic: Politics, Security, Economics and Culture – Forecasts of the Future through the Prism of the Present: Proceedings of the 16th International Scientific and Practical Conference of the A. A. Samokhin Interuniversity Scientific and Discussion Club “Expert”]. Krasnodar : KubSU, 2021. Pp. 141–148.

Suslov D. V. Pandemiya ne smyagchila konfrontatsiyu, a stala odnoy iz yeyo aren [Pandemic hasn't Softened Confrontation but Became One of its Arenas] // Kommersant. 2020. April 7. P. 4.

Takenov D. Koronavirus i politika: Kak pandemiya povliyayet na mezhdunarodnyye otnosheniya [Coronavirus and Politics: How the Pandemic Will Affect International Relations] // Informatsionno-analiticheskiy portal Steppe. URL: <https://the-steppe.com/gorod/koronavirus-i-politika-kak-pandemiya-povliyaet-na-mezhdunarodnye-otnosheniya/> (accessed: 01.04.2022).

Chumakov A. N., Yurchenko P. S. Koronavirus i globalizatsiya: znaniye vs domysly [Coronavirus and Globalization: Knowledge vs Speculation] // Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. 2020. No. 3(33). Pp. 112–122.

Shumilin A. I. Faktor pandemii vo vneshney politike Yevrosoyuza [The Pandemic Factor in the Foreign Policy of the European Union] // Nauchno-analiticheskiy Vestnik In-ta Evropy RAN. 2020. No. 2. Pp. 90–102.

Yavlinskiy G. A. Pandemiya i politika [Pandemic and Politics] : Ofitsial'nyy sayt. 2020. December 15. URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/pandemiya-i-politika> (accessed: 24.03.2022).

EU Defence Washington Forum. 2020. URL: <https://www.brookings.edu/events/webinar-eu-defense-washington-forum> (accessed: 23.03.2022).

Ikenberry G. J. Democracies Will Come out of Their Shell. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic // Foreign Policy. 2020. March 20. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (accessed: 31.03.2022).

Nye J. S., Jr. American Power Will Need a New Strategy. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic // Foreign Policy. 2020. March 20. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/> (accessed: 31.03.2022).